

**О СООТНОШЕНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
И ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РЕШЕНИИ ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Отклик на Постановление Пленума Верховного Суда РФ
от 19 декабря 2017 г. № 51)**

© 2019 г. В. Н. Галузо

НИИ образования и науки, Москва

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.06.2018 г.

В статье на основе анализа положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» относительно соотношения правоприменительной практики и теории уголовного процесса обосновано несколько суждений: для юридической науки в целом и для ее разновидности – уголовно-процессуальной науки, – в частности, должен быть обеспечен приоритет теории по отношению к правоприменению; всякое игнорирование общего правила о соотношении уголовно-процессуальной науки с правоприменением приводит к негативным последствиям; всякое решение Пленума Верховного Суда РФ, в том числе и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51, носит лишь рекомендательный характер и не может подменить уголовно-процессуальное законодательство, в первую очередь Уголовно-процессуальный кодекс РФ; общие положения теории уголовного процесса как фундаментальные категории разрабатываются видными представителями уголовно-процессуальной науки; уголовно-процессуальное законодательство, в особенности Уголовно-процессуальный кодекс РФ, должно основываться на фундаментальных положениях теории уголовного процесса; и название, и содержание Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 не соответствуют общим положениям теории уголовного процесса.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Конституция РФ, Федеральный закон, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, уголовно-процессуальное право, источники уголовно-процессуального права, решения Пленума Верховного Суда РФ, юридическая наука, теория уголовного процесса, правоприменение.

DOI: 10.31857/S013207690004666-4

Поводом для подготовки данной статьи послужило постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»¹.

Структурно названное решение Пленума Верховного Суда РФ состоит из Преамбулы (абз. 1–3) и 24 пунктов (1–24), некоторые из них также представлены в виде абзацев.

В абз. 1 Преамбулы в качестве правового обоснования использовано несколько нормативных правовых актов: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (ст. 2, 17–19, 45–54, 118, 120, 123)²; и два международных договора – Между-

народный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.³ (ст. 14) и Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.⁴ (ст. 6). В этом же структурном элементе Преамбулы приведен перечень принципов уголовного процесса как одна из фундаментальных категорий уголовного процесса. В абз. 3 Преамбулы опять же в качестве правового обоснования использованы два нормативных правовых акта Российской Федерации:

обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

³ См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291. Данный международный договор ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. // Ведомости ВС СССР. 1973. № 40, ст. 564.

⁴ См.: СЗ РФ. 1998. № 20, ст. 2143. Данный международный договор ратифицирован Федеральным законом от 20 февраля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 14, ст. 1514.

¹ См.: Росс. газ. 2017. 29 дек. С. 17; Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3. С. 2–7.

² См.: СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: Галузо В. Н. Возможно ли

Конституция РФ (ст. 125) и Федеральный конституционный закон от 29 января 2014 г. «О Верховном Суде Российской Федерации»⁵.

В п. 1 впервые упоминается Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 22 ноября 2001 г.⁶ (ст. 15, 244), введенный в действие с 1 июля 2002 г.

В п. 2–3, 5 употреблен термин «подготовительная часть судебного заседания», что соответствует названию гл. 36 (ст. 261–272) УПК РФ. Однако в теории уголовного процесса ученые оперируют иным термином — «подготовительная часть стадии судебного разбирательства». Иначе говоря, фундаментальной категорией является «стадия уголовного процесса»⁷. Сама же стадия судебного разбирательства представляет совокупность пяти взаимосвязанных частей: подготовительной части; судебного следствия; прений сторон; последнего слова подсудимого; постановления приговора, определения и постановления суда⁸. Соответственно, судебное заседание может лишь рассматриваться одной из форм судебного разбирательства, поэтому к судебному заседанию бесосновательно присовокуплены части, относящиеся исключительно к стадии судебного разбирательства. В п. 5 использован несовершенный термин «уголовно-процессуальный закон»⁹, который обычно отождествляется с УПК РФ, по юридической силе приравниваемый к федеральному закону¹⁰.

Это же относится и к абз. 1 п. 7 («По смыслу закона...»), а также к п. 11 («...предусмотренными законом способами...»), п. 13 («...в чем конкретно выразилось нарушение требований уголовного-процессуального закона...»), п. 18 («С учетом положений уголовного-процессуального закона...»), п. 19 («Если в ходе судебного разбирательства выявлены существенные нарушения закона...»), п. 23 («...судам следует при рассмотрении каждого уголовного дела принимать необходимые меры к выполнению этого требования закона...»). В п. 7 фактически не проводится разграничения между понятиями «преступление» и «состав преступления», кстати, определяемыми посредством разных наборов их существенных признаков. В Особенной части Уголовного кодекса РФ от 24 мая 1996 г.¹¹, введенного в действие с 1 января 1997 г., речь идет исключительно о составах преступления.

В последующих пунктах (п. 8–22) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 в той

или иной мере речь идет о доказательствах и о порядке их получения.

Так, в п. 8 приведен перечень видов доказательств, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. При этом не обращено внимания на несовершенство двух из них: заключение и показания эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ); заключение и показания специалиста (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ)¹². При допросе и эксперта, и специалиста нельзя получить показания. Кроме того, допущено ошибочное указание на статью УПК РФ — «278.1». Подобная нумерация статей допущена в Российской Федерации лишь относительно кодифицированного нормативного правового акта — Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 20 декабря 2001 г.,¹³ введенного в действие с 1 июля 2002 г. В УПК РФ следовало бы указать: «Статья 278¹. Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи»¹⁴. В абз. 2 п. 8 допущено ошибочное указание на то, что в ходе стадии предварительного расследования допустимо производство допроса обвиняемого, в результате чего получают показания обвиняемого, а не показания подсудимого.

В п. 9 положения ст. 15 УПК РФ ошибочно возведены в ранг принципа уголовного процесса (абз. 1). «Состязательность сторон» не может рассматриваться в качестве принципа уголовного процесса хотя бы потому, что не имеет одного из четырех существенных признаков понятия «принцип уголовного процесса»¹⁵. Не обращено также внимания на несовершенство классификации субъектов уголовного процесса, регламентированной в разд. II «Участники уголовного судопроизводства» УПК РФ. Следует различать субъектов уголовного процесса по их роли и месту в уголовно-процессуальных властеотношениях. По этому признаку субъекты могут быть подразделены на две группы: субъекты с государственно-властными полномочиями (процессуальные органы) и субъекты, привлеченные или допущенные к участию в уголовно-процессуальной деятельности (участники процесса). Первая группа субъектов представлена государственными органами и должностными лицами (процессуальные органы), к которым относятся: суд, судья, прокурор, заместитель прокурора, помощник прокурора и другие прокуроры, начальник следственного отдела и его заместитель, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, дознаватель, должностное лицо органа дознания. Вторая группа субъектов уголовного процесса объединяет всех тех лиц, которые вступают

⁵ См.: СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 550; № 23, ст. 2921; № 30 (ч. 1), ст. 4205; № 45, ст. 6130; 2016. № 7, ст. 896.

⁶ См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921; 2018. № 53 (ч. 1), ст. 8478.

⁷ Подробнее об этом см.: Галузо В. Н., Якулов Р. Х. Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 42, 43.

⁸ См.: там же. С. 450, 451.

⁹ На недопустимость подобного «творчества» нами уже обращалось внимание (см. об этом, напр.: Эриашвили Н. Д., Галузо В. Н. О системе уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 2. С. 80–82).

¹⁰ О системе нормативных правовых актов в Российской Федерации см., напр.: Галузо В. Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28–30.

¹¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 53 (ч. 1), ст. 8495.

¹² Подробнее об этом см.: Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика) / под ред. В. С. Афанасьева. М., 2012. С. 98–104; Доказывание при правоприменении в Российской Федерации / под ред. В. Н. Галузо. 4-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 130–134; и др.

¹³ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1; 2019. № 6, ст. 465.

¹⁴ Названная статья включена в УПК РФ иным Федеральным законом от 9 марта 2011 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 13, ст. 1686.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Беседин А. В., Галузо В. Н. О реализации принципа гласности при осуществлении судебной власти (на примере Липецкой области) // Закон и право. 2010. № 8. С. 72–76; Батюк В. И., Галузо В. Н. Принцип публичности в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2013. № 8. С. 96–101; Их же. О действительности результатов научных изысканий в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2015. № 4. С. 103–106.

в уголовно-процессуальные отношения подчиненной стороной. Круг этих субъектов весьма обширен и может быть представлен в виде четырех подгрупп: а) имеющих правовой интерес; б) защищающих или представляющих законные интересы других лиц — лиц, имеющих свой интерес; в) представляющих и защищающих общественный интерес и г) содействующих охране государственных и иных законных интересов¹⁶. Нуждается в уточнении и положение о том, что субъекты уголовного процесса вправе представлять суду доказательства («...представляет суду доказательства...»). Доказательство как таковое есть абстрактная конструкция (фикция), а поэтому суду заинтересованными субъектами уголовного процесса могут быть представлены исключительно процессуальные документы, в которых закреплена тот или иной вид доказательства, предусмотренный в ч. 2 ст. 74 УПК РФ¹⁷.

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 19 декабря 2017 г. речь идет об иммунитетах в уголовном процессе¹⁸. Здесь же и причем верно указано на возможность приобщения «материалов видеозаписи» к процессуальным документам («протоколу допроса или очной ставки»), а не к протоколу следственного действия, как одному из видов доказательства.

В абз. 2 п. 11 следовало бы вместо витиеватого стиля изложения («Исходя из положений частей 2¹, 6 статьи 281 УПК РФ и подпункта «д» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в их взаимосвязи...») определенно указать на одно из правил разрешения противоречий между международным договором (Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.) и нормативным правовым актом Российской Федерации — УПК РФ, а именно — о конкуренции¹⁹.

В абз. 1 п. 12 вместо буквального толкования положения ряда статей УПК РФ («части 6 статьи 281 и части 5 статьи 191») фактически допущено так называемое судебское усмотрение. Получение показаний свидетеля и показаний потерпевшего возможно лишь при допросе свидетеля и потерпевшего, в том числе и в ходе судебного следствия.

В п. 13 не обращено внимание на несовершенство положений ст. 75 УПК РФ. Все-таки требование о недопустимости может быть предъявлено не к доказательствам, а к процессуальным документам, в которых закреплена то или иное доказательство²⁰.

В п. 14 допущено вольное интерпретирование положений ч. 4 ст. 165 УПК РФ («...судья выносит постановление

о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа...»).

В п. 15 требуется уточнение относительно термина «заключение эксперта»: таковой может означать и вид доказательства, и процессуальный документ (абз. 1). В данном случае речь должна идти исключительно о процессуальном документе. А в абз. 2 этого же пункта несовершенно положение о допросе эксперта, дающего заключение эксперта («может быть допрошен эксперт, давший заключение в ходе предварительного расследования»): давать можно лишь показания, эксперт представляет заключение эксперта, как процессуальный документ, в котором содержится одноименный вид доказательства.

В п. 16 требуется уточнение относительно термина «заключение специалиста»: таковой может означать и вид доказательства, и процессуальный документ (абз. 1). В абз. 1 этого же пункта имеется верное указание (но без конкретизации) на отражение суждений специалиста в протоколе судебного заседания («Специалист высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде, что отражается в протоколе судебного заседания...»), который имеет одно значение — это процессуальный документ, в котором закреплена вид доказательства — протокол судебного действия.

В п. 17 допускается возможность допроса специалиста («Специалист... может быть допрошен в судебном заседании...»), но при этом является ошибочным положение о фактическом приравнивании его к свидетелю («Такой допрос проводится по правилам допроса свидетеля и с разъяснением специалисту его прав и ответственности, предусмотренных статьей 58 УПК РФ...»). При допросе специалиста мы можем получить лишь один вид доказательства — заключение специалиста, который закрепляется в одноименном процессуальном документе. А при допросе свидетеля мы можем получить лишь один вид доказательства — показания свидетеля. Именно в этом и состоит несовершенство положения, закрепленного в п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

В п. 18 допущено ошибочное указание на структурный элемент статьи УПК РФ — «...в соответствии с частью 2.1 статьи 58...». Подобная нумерация статей допущена в Российской Федерации лишь относительно кодифицированного нормативного правового акта — КоАП РФ. Следовало бы указать: «...в соответствии с частью 2¹ статьи 58...».

Вызывает возражение и п. 19, в котором не просто интерпретированы положения ст. 237 УПК РФ, но и фактически сформулированы новые нормативные предписания («Если в ходе судебного разбирательства выявлены существенные нарушения закона, указанные в пунктах 1—6 части 1 статьи 237 УПК РФ, допущенные в досудебном производстве по уголовному делу и являющиеся препятствием к постановлению судом приговора или вынесения иного итогового решения, не устранимые судом, то суд по ходатайству стороны или по своей инициативе возвращает дело прокурору при условии, что их устранение не будет связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. При установлении обстоятельств, указанных в части 1² статьи 237 УПК РФ, суд может вернуть уголовное дело прокурору только по ходатайству стороны»). По нашему мнению, одним из критериев, по которым восполнение неполноты предварительного расследования признается невозможным или нецелесообразным, является следующее положение: «1. Суду не свойственна функция розыска. По этой причине он не может принимать

¹⁶ См., напр.: *Галузо В.Н., Канафин Н.А.* Органы предварительного следствия в Российской Федерации (состояние и перспективы развития) // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 58—61.

¹⁷ На это нами уже обращено внимание в научной публикации (см.: *Доказывание при правоприменении в Российской Федерации* / под ред. В.Н. Галузо. 4-е изд., испр. и доп. С. 210).

¹⁸ См., напр.: *Иммуниеты в российском уголовном процессе* / под ред. В.Н. Галузо. М., 1998.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Якупов Р.Х.* Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы). М., 1993.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Батюк В.И., Беседин А.В., Галузо В.Н.* Допустимость доказательств или процессуальных документов? // *Право и государство: теория и практика.* 2016. № 12. С. 135—140.

на себя обязанность устранения пробелов предварительного следствия или дознания, когда это связано с отысканием доказательств. Если, например, неизвестно, где находятся свидетели, показания которых имеют существенное значение, у каких лиц или в каких организациях хранятся важные документы, вещественные доказательства, уголовное дело подлежит возвращению прокурору»²¹.

В п. 20 фактически допущен отход от доктрины разделения функций в уголовном процессе («Вместе с тем..., а суд — принять решение только после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя...»).

В п. 21 верно соотношены понятия «имущество» и «вещественное доказательство» («в том числе возможность конфискации принадлежащего ему имущества, признанного вещественным доказательством»). Это соответствует и гражданскому законодательству, и в первую очередь части первой Гражданского кодекса РФ от 21 октября 1994 г.,²² введена в действие с 1 января 1995 г.) (ст. 128—141, 209—217).

В абз. 1 п. 22 следовало указать на статус протокола судебного заседания, являющегося исключительно процессуальным документом, полученного в результате судебного действия — назначения судебного заседания, и в котором закреплен один вид доказательства — протокол судебного действия (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

В п. 23 неверно, образно выражаясь, расставлены акценты: в ч. 4 ст. 29 УПК РФ речь все-таки идет не об обязанности, а о праве суда («Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым»).

Таким образом, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», которое не может рассматриваться в качестве источника уголовно-процессуального права и носит лишь рекомендательный характер²³, правоприменителям необоснованно навязывается доктрина приоритета правоприменительной практики по отношению к теории уголовного

процесса²⁴. В этой связи для Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 следовало бы использовать иное название: «О реализации основных положений уголовного процесса при рассмотрении уголовных дел судами первой инстанции».

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений. Во-первых, для юридической науки в целом и для ее разновидностей — уголовно-процессуальной науки, — в частности, должен быть обеспечен приоритет теории по отношению к правоприменению.

Во-вторых, всякое игнорирование общего правила о соотношении уголовно-процессуальной науки с правоприменением приводит к негативным последствиям.

В-третьих, всякое решение Пленума Верховного Суда РФ, в том числе и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», носит лишь рекомендательный характер и не может подменить уголовно-процессуальное законодательство, в первую очередь Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В-четвертых, общие положения теории уголовного процесса как фундаментальные категории разрабатываются видными представителями уголовно-процессуальной науки.

В-пятых, уголовно-процессуальное законодательство, в особенности Уголовно-процессуальный кодекс РФ, должно основываться на фундаментальных положениях теории уголовного процесса.

В-шестых, и название, и содержание постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» не соответствует общим положениям теории уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюк В. И., Беседин А. В., Галузо В. Н. Допустимость доказательств или процессуальных документов? // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 135—140.
2. Батюк В. И., Галузо В. Н. Принцип публичности в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2013. № 8. С. 96—101.
3. Батюк В. И., Галузо В. Н. О действенности результатов научных изысканий в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2015. № 4. С. 103—106.
4. Беседин А. В., Галузо В. Н. О реализации принципа гласности при осуществлении судебной власти (на примере Липецкой области) // Закон и право. 2010. № 8. С. 72—76.

²¹ Галузо В. Н., Якупов Р. Х. Указ. соч. С. 420.

²² См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2018. № 32 (ч. II), ст. 5132.

²³ Иного мнения придерживаются: Л. А. Воскобитова (см.: Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2016. С. 54, 55); М. В. Сидоренко (см.: Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы). М., 2017. С. 251—279); А. В. Смирнов (см.: Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2017. С. 64).

²⁴ На это нами уже обращалось внимание (см.: Галузо В. Н. О роли фундаментальных разработок в разрешении споров между представителями уголовно-процессуальной науки // Право и жизнь. 2013. № 10. С. 86—102).

5. *Галузо В.Н.* Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.
6. *Галузо В.Н.* О роли фундаментальных разработок в разрешении споров между представителями уголовно-процессуальной науки // Право и жизнь. 2013. № 10. С. 86–102.
7. *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28–30.
8. *Галузо В.Н., Канафин Н.А.* Органы предварительного следствия в Российской Федерации (состояние и перспективы развития) // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 58–61.
9. *Галузо В.Н., Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 42, 43, 420, 450, 451.
10. Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика) / под ред. В.С. Афанасьева. М., 2012. С. 98–104.
11. Доказывание при правоприменении в Российской Федерации / под ред. В.Н. Галузо. 4-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 130–134, 210.
12. Иммуниеты в российском уголовном процессе / под ред. В.Н. Галузо. М., 1998.
13. *Сидоренко М.В.* Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы). М., 2017. С. 251–279.
14. Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2017. С. 64.
15. Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2016. С. 54, 55.
16. *Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н.* О системе уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 2. С. 80–82.
17. *Якупов Р.Х.* Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы). М., 1993.
2. *Batyuk V.I., Galuzo V.N.* Princip publicnosti v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii: problemy pravovogo regulirovaniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013. № 8. С. 96–101.
3. *Batyuk V.I., Galuzo V.N.* O dejstvennosti rezul'tatov nauchnyh izyskanij v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 4. С. 103–106.
4. *Besedin A.V., Galuzo V.N.* O realizacii principa glasnosti pri osushchestvlenii sudebnoj vlasti (na primere Lipeckoj oblasti) // Zakon i pravo. 2010. № 8. С. 72–76.
5. *Galuzo V.N.* Vozmozhno li obespechenie edinoobraznogo ispolneniya zakonodatel'stva pri otsutstvii ego sistematzicii? // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 11. С. 98–102.
6. *Galuzo V.N.* O roli fundamental'nyh razrabotok v razreshenii sporov mezhdru predstavitel'yami ugovolno-processual'noj nauki // Pravo i zhizn'. 2013. № 10. С. 86–102.
7. *Galuzo V.N.* Sistematziciya zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Zakon i pravo. 2009. № 8. С. 28–30.
8. *Galuzo V.N., Kanafin N.A.* Organy predvaritel'nogo sledstviya v Rossijskoj Federacii (sostoyanie i perspektivy razvitiya) // Tavriceskij nauchnyj obozrevatel'. 2015. № 2. С. 58–61.
9. *Galuzo V.N., Yakupov R.H.* Ugovolnyj process: ucheb. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 42, 43, 420, 450, 451.
10. Dokazyvanie v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii (teoriya i pravoprimeritel'naya praktika) / pod red. V.S. Afanas'eva. М., 2012. С. 98–104.
11. Dokazyvanie pri pravoprimerenii v Rossijskoj Federacii / pod red. V.N. Galuzo. 4-е изд., испр. i dop. М., 2018. С. 130–134, 210.
12. Immunitety v rossijskom ugovolnom processe / pod red. V.N. Galuzo. М., 1998.
13. *Sidorenko M.V.* Pravovaya opredelennost' rossijskogo ugovolno-processual'nogo prava (sostoyanie i postanovka problemy). М., 2017. С. 251–279.
14. Ugovolnyj process: ucheb. 7-е изд., pererab. / pod obshch. red. A.V. Smirnova. М., 2017. С. 64.
15. Ugovolnyj process: ucheb. dlya bakalavrov / отв. ред. Л.А. Voskobitova. М., 2016. С. 54, 55.
16. *Eriashvili N.D., Galuzo V.N.* O sisteme ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii. 2012. № 2. С. 80–82.
17. *Yakupov R.H.* Pravoprimerenie v ugovolnom processe Rossii (yuridicheskie problemy). М., 1993.

REFERENCES

1. *Batyuk V.I., Besedin A.V., Galuzo V.N.* Dopustimost' dokazatel'stv ili processual'nyh dokumentov? // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2016. № 12. С. 135–140.

**ON THE RATIO OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE
AND THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE
IN THE DECISION OF PLENUM OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**(In response to a resolution of Plenum of the Supreme Court
of the Russian Federation No. 51 of December 19, 2017)**

© 2019 V. N. Galuzo

Research Institute of education and science, Moscow

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Received 06.06.2018

In the article, based on the analysis of the provisions of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 of December 19, 2017 “On the practice of applying the legislation in criminal cases in the court of first instance” on the correlation of law enforcement practice and the theory of criminal procedure, several judgments are substantiated: for legal science, in General, and for its variety – criminal procedure science, in particular, should be provided priority theory in relation to law enforcement; any disregard of the General rule of the relationship of criminal procedure with law enforcement leads to negative consequences; any decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, including the resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 51 of December 19, 2017, is only Advisory in nature and cannot replace the criminal procedure legislation, primarily the Criminal procedure Code of the Russian Federation; General provisions of the theory of criminal procedure, as fundamental categories, are developed by representatives of the criminal procedure science; the criminal procedure legislation, especially the Criminal procedure Code of the Russian Federation, should be based on the fundamental provisions of the theory of criminal procedure; and the name and content of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 of December 19, 2017 does not correspond to the General provisions of the theory of criminal procedure.

Key words: Russian Federation, legislation, Constitution of the Russian Federation, Federal law of the Russian Federation, Code of Criminal procedure, criminal procedure law, sources of criminal procedure law, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legal science, theory of criminal procedure, law enforcement.

Сведения об авторе

ГАЛУЗО Василий Николаевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки, Москва

Authors' information

GALUZO Vasily N. – PhD in Law, senior researcher, Research Institute of education and science, Moscow